

Суслов Андрей Александрович

старший преподаватель кафедры философии
и социологии
Томского государственного университета
систем управления и радиоэлектроники
dom-hors@mail.ru

ТЕМПОС РУССКОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос темпоральных особенностей русской волшебной сказки посредством анализа статических и динамических художественных элементов. Результаты исследования художественной структуры волшебной сказки являют универсальность времени, разное его ощущение и сущностное выражение. Темпоральные характеристики сказок выявлены через своеобразие лексических форм, ментальности, мифологии, отражающих внутреннюю конструкцию сказочного логоса в идейном философско-культурологическом аспекте.

Ключевые слова:

русская сказка, темпос, время, волшебная сказка, фольклор, миф, мир, традиционная культура.

Suslov Andrey Aleksandrovich

Senior Lecturer of
the Philosophy and Social Science Department
Tomsk State University of
Control Systems and Radio Electronics
dom-hors@mail.ru

TEMPUS OF RUSSIAN FAIRY TALE

Summary:

The article deals with temporal specifics of the Russian fairy tale on the basis of the static and dynamic imaginative elements analysis. The research results of the fairy tale's imaginative structure show the universality of the time, various ways of its perception and essential expression. The temporal features of the fairy tales are revealed through the originality of the lexical forms, mentality and mythology reflecting the inner structure of the fairy logos in the idea philosophic and culturological aspects.

Keywords:

Russian fairy tale, tempus, time, fairy tale, folklore, myth, world, traditional culture.

Сказочный фольклор имеет свои специфические особенности изображения времени в произведении, не свойственные традиционной художественной литературе. Процесс создания сказочного темпоса нарушает сложившийся порядок времени. Исследователи русского фольклора, и прежде всего сказочного эпоса, определяют основные особенности построения темпоса следующим образом: 1) условность или историчность; 2) закрытость или открытость; 3) равномерность или неравномерность; 4) направленность; 5) завершенность [1, с. 230].

Важнейшей особенностью сказок в формировании упорядоченного поля времени является то, что сказки в целом – это продукты воображения, фантазии, описания событий, происходящих в очень давние времена. Динамику и упорядоченное движение сказке придает процесс целевой установки героев в решении насущных проблем при помощи различных волшебных предметов и персонажей (скатерть-самобранка, ковер-самолет, Баба-Яга и др.). На реалистичность происходящего сказка явно не претендует, но ее можно понимать, на наш взгляд, как модель создаваемого порядка и организации мира, времени. Так же как и пространство сказки, которое самоорганизовано, самодостаточно, время в ней замкнуто и не выходит за пределы сюжета.

С другой стороны, возникает вопрос, что локализация сказки на собственном сюжете все не подчиняет время и пространство. Большинство сказок начинаются в точно неопределенные временные рамки и иногда заканчиваются без порой логически завешенных окончательных выводов. Вероятно, сказка рождает феномен отсутствия привычных для нас пространственно-временных рамок. Замкнутость, цикличность, вечность идей и ценностей сказок – залог ее важности для любых поколений в любые исторические периоды времени. Складывается ощущение, что сказки были и будут всегда. Возможно, феномен отсутствия времени и пространства вызван пониманием сказкой идей о бесконечности и одновременно непознаваемости этих явлений. Сказка в этом понимании весьма близка к идеям вечных проблем философии. Почти все сюжеты сказок имеют сознательную условность происходящих событий, как во времени, так и в пространстве: «Жил-был король вдовый; у него было двенадцать дочерей, одна другой лучше...» («Ночные пляски»). Или «В некотором царстве, в некотором государстве жил-был старик, у него был сын...» («Дурак и береза») [2, с. 89]. Сказка, дабы быть загадочной, волшебной, не содержит точной информации о конкретных событиях, о времени и месте их свершения. Пространственно-временной фон сюжета разворачивается в весьма большой неопределенности. Словесные формулы «жил-был», «давным-давно» это всецело дополняют и подчеркивают. «За некоторыми исключениями, мы никогда не знаем – далеко ли отстоит сказочное действие от времени, в котором сказка слушается», – определил одно из значений художественного вре-

мени сказки Д.С. Лихачев [3, с. 94]. Окончание сказки символизирует победу определенных ценностей, установок. Конец сказки своего рода исчерпывающий, логически заверченный сюжет. Время в сказке переходит из плоскости художественного в плоскость философского. Благополучие, победа определенных морально-ценностных установок рождает и конец художественного времени сказки. Тем не менее время имеет дальнейшую перспективу развития. Сказка внушает идею о самоорганизации, бесконечном процессе развития темпоса: «Горе потонуло, а купец стал жить по-старому, по-прежнему» («Горе»); «А царевич поехал к отцу, выпросил разрешения и женился на купеческой дочери, и стали они счастливо жить-поживать, да добра наживать» («Оклеветанная купеческая дочь») [4, т. 1, с. 237].

В русском сказочном фольклоре волшебные сказки играют одну из центральных ролей. Эти сказки очень популярны, практически во всех сборниках им посвящено значительное количество записей. Исследователи Ю.М. Соколов и В.И. Чичеров отличали от волшебных сказок сказки-легенды [5]. Зачастую к волшебным сказкам относят те, которые имеют «установку на вымысел». Однолинейность понимания волшебных сказок способствует приуменьшению их роли в литературном и философско-культурологическом наследии. Особенности волшебных сказок, помимо тесной связи с мифологическим наследием, заключаются в захватывающем сюжетном действии, приключенческом характере описываемых событий, особого инструментария мышления. Фантастические сюжеты волшебных сказок при детальном рассмотрении несут в себе отпечаток древнейшего пласта мифологической культуры. Цепи чудес, сопровождаемые героями сказок, являются неотъемлемым элементом этого жанра. Н.В. Новиков предложил называть данную категорию сказок волшебнo-фантастическими: «Этот термин, несмотря на свою условность, раскрывает два начала в сказке – волшебное и фантастическое. На которых собственно и покоится ее поэтический вымысел. Начало волшебное включает так называемые пережиточные моменты и прежде всего религиозно-мифологические воззрения первобытного человека, одухотворение им вещей и явлений природы, приписывание этим вещам и явлениям магических свойств, различные религиозные культы, обычаи, обряды и т.п.» [6, с. 25].

Русская волшебная сказка имеет совершенно особую темпоральную структуру, ее характерные черты связаны с построением в целом всей структуры этого жанра. Исследователи русских сказок (В.Я. Пропп, С.Ю. Неклюдов, Е.М. Метелинский) установили, что в ней присутствуют как динамические, так и статические элементы. В роли динамики выступают те эпизоды, в которых происходит постоянное развитие сюжета, действий героев. Статика волшебной сказки кроется в наличии тех связующих частей, которые обеспечивают связь сюжетных динамических элементов и непосредственно не участвующих в активном развитии [7, с. 34]. Особенности построения сюжетных элементов рождает свой хронотоп. Статические элементы сгруппированы в неопределенно-отдаленном времени. Исследователь русского фольклора Н.М. Герасимова назвала такое время относительным, так как в нем, по ее мнению, проявляется, прежде всего, авторская позиция рассказчика, он соизмеряет время своего исполнения со временем действия героев. Время, вобравшее в себя динамические части волшебной сказки, Н.Г. Герасимова называет абсолютным событийным [8, т. 18, с. 176]. Существует и иная позиция относительно устройства сказочного хроноса. По мнению Г.А. Золотовой, присутствие статических элементов в волшебной сказке прослеживается на уровне грамматики, выполняющей в таких эпизодах сказки роль информационного регистра речи. Использование речевых регистров позволяет максимально сблизить сказочника и героев в переживании времени и определяет важнейшие особенности волшебного сказочного хроноса: дискретность, конечность, замкнутость в эпизоде [9, с. 46]. Архитектоника сказки, ее сюжетное построение, по наблюдениям исследователей русского фольклора, неизбежно взаимосвязаны с различными способами темпорального ощущения, квантификации времени. В тех эпизодах, где господствуют статические элементы, представлены временные отрезки большой длительности. Тогда как в эпизодах, где активно развивается сюжет и динамизирует все происходящее, время практически не ощутимо и, тем самым, отсутствует вообще какая-либо темпоральная определенность [10, с. 18].

В настоящее время темпоральный анализ сказки рассматривается учеными-фольклористами в связи со следующими философскими концептами: «длительность финального состояния героев сказки; длительность пространственного перемещения героя; длительность промежутка между действиями» [11, с. 38]. Особенности первого из этих концептов являются: особый характер противопоставления двум другим заявленным критериям. Это противопоставление выражено в презентации протяженности финальной ситуации, которая относится к статической цепи сказочной структуры. Содержание характеристики, составляющих основу двух последних концептов, дробят время на промежутки длительности между различными энергетическими (динамическими) эпизодами. «Длительность финального состояния героев» является элементом другого философского концепта «вечное время». Таким образом, структурирование времени в таком понимании – процесс бесконечный. Это время, как правило, не знает ни начальной стадии, ни выраженного конечного действия. Эта «замкнутость време-

ни», отмеченная многими исследователями русских сказок, является основным характерным критерием сказочного эпоса: «Сказка начинается как бы из небытия, из отсутствия времени и событий. Заканчивается сказка не менее подчеркнутой остановкой сказочного времени; сказка кончается констатацией наступившего «отсутствия» событий: благополучием, смертью, свадьбой, пиром. Заключительные формулы эту остановку фиксируют...» [12, с. 94.] С другой стороны, концепты «длительность перемещения героев» и «длительность промежутка между действиями» входят в основу репрезентантов структуры концепта «конечное время». В таком времени существуют и начальные и финальные точки, своеобразные столпы времени.

Развитие действия сказок начинается из временной неопределенности, сравнимой с вечностью и постепенно, раскрывая небольшие детали пространственно-временной конкретизации, возвращается в вечность в финальной стадии. Реализация концепта «вечное время» отображено с характерной сказочному эпосу загадочностью в финальных стадиях повествования. Вечность времени и его неисчерпаемость имеют еще и нравственно-этическую составляющую. Волшебные сказки в последних строках, как правило, содержат указание не только на вечный ход событий, но и на неизменность создавшегося «доброе» порядка вещей и отношений между людьми. Развитие сказочного сюжета – это некий замкнутый путь героев из вечности к относительной временной определенности обратно в вечность. Достигнутая в финале «вечность» определяется как справедливый и счастливый путь жизни героев: «А дурак сделался королем и царствовал долго и милостиво».

«После того царь и царица с царевичами и царевною жили долго и счастливо».

«Иван-царевич вошел в дом Кощея, взял Василису Премудрую и воротился домой. После того они жили вместе долго и счастливо».

«Царь узнал про все, обрадовался, и остался у них навсегда жить, и супругу свою из чаровни взял; и жили они все вместе много лет во всяком счастье».

«... он женился на Василисе царевне и жил с нею долгие лета в любви и согласии» [13, с. 78].

Эти вечные сказочные темпоральные формулы фиксируют сложившийся устойчивый порядок вещей всеобщего благоденствия и идеального мироустройства. Временная архитектура сказки включает наличие особой семантики обязательного сочетания положительной оценки героев, представленной словами: «счастливо», «во всяком счастье», «в любви и согласии». Темпоральные характеристики тем самым кроются в представлении о вечном счастье, удачи, составляющих основу всей жизни и фиксирующих благополучие героев, не имеющей временной определенности.

Концепт «длительность пространственного перемещения героев» был вовлечен в научный оборот В.Я. Проппом: «Композиция сказки строится на пространственном перемещении героя» [14, с. 152]. Пространственное перемещение героев происходит в определенной логической последовательности: из своеобразного центра «своего» мира, в «иной» мир и обратно. Структурирующей функцией и миротворящей силой выступают сами действия героев. Он участвует в построении «своего» мира в «ином» мире, переносит туда свои ценности, идеи, рушит устои и принципы того мира. Тем самым герой, вооруженный определенной шкалой нравственно-этических ценностей, выстраивает свой мир, либо заметным образом дополняет его. Движение героя сказки превращается в силу мироздания. С другой стороны, по замечанию В.Я. Проппа, несмотря на столь большое значение движения (перемещения) героев в сказке, это не является основанием рождения развивающегося сказочного сюжета: «С одной стороны, пространство в волшебной сказке – необходимый композиционный элемент. С другой стороны, его как бы нет, так как развитие действия идет только по остановкам, которые детально разработаны» [15, с. 73]. Таким образом, несмотря на то, что во время движения герой динамичен относительно пространства, с точки зрения композиционной структуры сказки данные эпизоды относятся к статическим элементам, так как в них не происходит развития сюжета. Исчисление временной протяженности пространственного перемещения героев сказки происходит по особому сценарию.

Начальной точкой этого пути является само начало движения и конечной стадией – начало динамического эпизода сказки. Сущностные критерии времени, обозначающие концепт, соотносятся со значением долгой темпоральной протяженности, свободной от какой бы то ни было хронологической конкретизации. По мнению ученых-филологов (Мельниковой, Маслениковой), словесные способы выражения указанного критерия представлены следующими определенными формулами, характеризующих длительность, обобщенные значения количества. Во-первых, наречия и прилагательные с временной семантикой неопределенно-большой длительности:

«Долго-долго шел царь с воинством, много-много земель за собой оставил, вот уж и неприятель близко...».

«Долго-долго они ехали, смотрят - два пастуха стадо пасут...».

Эти формулы создают не только неопределенность во времени, но и пространственную таинственность:

«Ехал он долгое-долгое время; приехал к какой-то горе...».

«Едучи с своими людьми долгое время, заехали они в дикую степь...» [16, с. 54].

Во-вторых, сказка использует числительные, характеризующие, как правило, функцию выражения обобщенного значения количества («три», «десять», «тридцать»):

«Шел он дорогою, а больше стороною три месяца и пришел к иному королевству...».

«И шел он ровно десять суток и пришел в некое государство» «... шел десять дней и десять ночей и пришел к некоему государству»

«... ехал он ровно тридцать дней и тридцать ночей, и приехал в китайское государство...».

Использование этих числительных в сказке сопоставимо магическому ритуалу, некому способу перехода в «иной» мир, непознанное. Время, вербализированное в числительных, представляет систему дискретных промежутков (дни, ночи, сутки), выраженную не всегда конкретно в числовом виде, воплощенную в результате – пространственной неопределенности.

В-третьих, словесные формулы, в которых демонстрируется неопределенность длительности («Ни много ни мало (времени)», «много ли мало ли», «долго ли коротко ли»): «Много ли, мало ли шел - пробрался в иное государство...». «Много ли, мало ли ехал меньшей брат - попадает ему канава глубокая». «...шла она много ли, мало ли времени и пришла в лес». «...долго ли, коротко ли – приезжает он на край света, где красное солнышко из синя моря восходит». «Долго ли, коротко ли они этак плавали, наконец подплыли к берегу...». «Долго ли, коротко ли – приезжает в сказанное королевство».

В-четвертых, в сказке время предстает как некий архаичный способ организации длительности перемещения героя. Это достигается при помощи определенных логических формул преодоления времени разного рода деятельностью. Время воспринимается на уровне предметно-чувственного созерцания, оно рецептировано конкретными категориями ощущений, насыщенными событиями и отголосками от произошедших событий: «...уж железные башмаки истаптываются, железный колпак изнашивается, костыль ломается, просвира изглодана, а красная девица все идет да идет, а лес все чернее, все чаще. Вдруг видит: стоит перед ней чугунная избушка на курьих ножках. Уж другие башмаки истаптываются, другой колпак изнашивается, железный костыль ломается и железная просвира изгрызена – и вот стоит перед девицей чугунная избушка на курьих ножках. Уж третьи башмаки истаптываются, третий колпак изнашивается, последний костыль ломается, и последняя просвира изглодана. Стоит чугунная избушка на курьих ножках...» [17, с. 56].

Перемещение героя в сказке, имеющее характеристику большой длительности, также составляет предмет понимания концепта времени в фольклорной традиции. Темпоральное измерение и понимание обусловлено реализацией семиотического фактора – наличием сказочной бинарной оппозиции «свой / чужой» [18, с. 29].

Преодоление любого расстояния сказки ощутимо на основе противопоставления «своего» и «иногo» миров, как уже отмечалось. Суть же идеи, лежащей в основе понимания расстояния большой длительности и долгой временной протяженности, обусловлена наличием только одного полюса больших величин. Герой, находясь в долгом пути, способен осознать лишь яркие образы противопоставлений, находящихся в определенной логической упорядоченности. Временная длительность во многом лишена точной системы количественного выражения и выражает общее фольклорное представление о временной организации [19, с. 18.] Концепт «длительность промежутка между действиями» наиболее отчетливо проявляет себя при рассмотрении цепи связующих элементов между динамическими частями, которые, как правило, играют роль количественных характеристик временной протяженности. Такой способ организации хроноса выявляет некие промежутки времени между различными динамическими эпизодами сказочной архитектоники, которые демонстрируют их неодновременность и разное темпоральное ощущение [20, с. 184].

Зачастую временные промежутки между действиями отображены особой системой количественно-временной неопределенности и получают воплощение в виде особого рода лексики. Обычная бинарная система, характеризующая «много / мало» в данном случае мало применима. Исследователи русского фольклора (С.Ю. Неклюдов, В.М. Гацак) выявили следующие характерные лексико-смысловые конструкции, создающие хроноощущение, характеризующие рассматриваемый концепт. В сказках особое место занимают неопределенные местоимения в сочетании с репрезентацией определенного времени: «бывало, придет к ее кровати и начнет припевать: «Баю-баюшки, сестрица! Баю-баюшки, родная! Вырастешь большая, отдам тебя за муж за Ивана-царевича. Она закроет глазки и заснет. Прошло несколько лет, собрался Дмитрий-царевич и поехал в гости к Ивану-царевичу... » [21, с. 86].

«Тотчас они свадьбу сыграли и стали вместе жить, ни о чем не тужить.

Через сколько-то времени вздумал солдат о своей родной стороне, захотел туда побывать...» [22, с. 85].

Наличие неопределенных местоимений указывает на невозможность определения времени и в некотором смысле даже его отсутствием как такового. Истории сказок могли случиться

где угодно и когда угодно. Жизненность и реальность сказочного сюжета подкреплена временной неопределенностью, что придает живучесть всей сказочной композиции.

Содержание трех рассмотренных критериев составляют результаты понимания длительности в статических элементах сказочной структуры. Сказка являет универсальность времени, разное его ощущение и сущностное выражение. Темпоральные характеристики заключены как в особых лексических формах, отражающих внутреннюю конструкцию сказочного логоса, так и в идейном философско-культурологическом аспекте. Идейная основа сказочного темпоса выражена в его органической связи с пространством, отождествлении и соитии со сказочником и мировоззренческом темпоральном универсализме. Сказка на уровне древних мифологических взглядов закрепила осознание глубины и непостижимости времени. Вечные идеи и ценности, воспеваемые сказкой, актуальны и важны в любые времена, исторические эпохи. Тем самым сказка вне истории и хроноса, свободна от его количественного выражения. Время, таким образом, как правило, практически неопределенно и весьма условно.

Ссылки:

1. Новиков Н.В. Образы восточнославянской волшебной сказки. Л., 1974.
2. Кессиди Ф.Х. От мифа к логосу. М., 1972.
3. Лихачев Д.С. Историческая поэтика русской литературы. СПб., 1999.
4. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1994.
5. Соколов Ю.М. Русский фольклор. М., 1941.
6. Новиков Н.В. Указ. соч.
7. Неелов Е.М. Волшебнo-сказочные корни научной фантастики. Петрозаводск, 1986.
8. Герасимова Н.М. Пространственно-временные формулы русской волшебной сказки // Русский фольклор. Л., 1978.
9. Золотова Г.А. Композиция и грамматика // Язык как творчество. М., 1996.
10. Гацак В.М. Устная эпическая традиция во времени. Историческое исследование поэтики. М., 1998.
11. Семенова М. И. Быт и верования древних славян. СПб., 2000.
12. Лупанова И.П. Современная литературная сказка и ее критики (Заметки фольклориста) // Проблемы детской литературы. Петрозаводск, 1981.
13. Гацак В.М. Указ. соч.
14. Пропп В.Я. Сказка. Эпос. Песня. М., 2001.
15. Там же.
16. Соколов Ю.М. Указ. соч.
17. Там же.
18. Орехова Е.В. Типы пространственно-временных отношений в русской волшебной сказке // Атриум. 1999. № 1.
19. Гацак В.М. Указ. соч.
20. Неклюдов С.Ю. Статические и динамические начала в пространственно-временной организации повествовательного фольклора // Типологические исследования по фольклору: сб. ст. памяти В.Я. Проппа. М., 1975.
21. Герасимова Н.М. Указ. соч.
22. Там же.

References (transliterated):

1. Novikov N.V. Obrazy vostochnoslavjanskoy volshebnoj skazki. L., 1974.
2. Kessidi F.K. Ot mifa k logosu. M., 1972.
3. Likhachev D.S. Istoricheskaya poetika russkoy literatury. SPb., 1999.
4. Afanas'ev A.N. Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu. M., 1994.
5. Sokolov Y.M. Russkiy fol'klor. M., 1941.
6. Novikov N.V. Op. cit.
7. Neelov E.M. Volshebno-skazochnie korni nauchnoy fantastiki. Petrozavodsk, 1986.
8. Gerasimova N.M. Prostranstvenno-vremennye formuly russkoy volshebnoj skazki // Russkiy fol'klor. L., 1978.
9. Zolotova G.A. Kompozitsiya i grammatika // Yazyk kak tvorchestvo. M., 1996.
10. Gatsak V.M. Ustnaya epicheskaya traditsiya vo vremeni. Istoricheskoe issledovanie poetiki. M., 1998.
11. Semenova M. I. Byt i verovaniya drevnikh slavyan. SPb., 2000.
12. Lupanova I.P. Sovremennaya literaturnaya skazka i ee kritiki (Zametki fol'klorista) // Problemy detskoj literatury. Petrozavodsk, 1981.
13. Gatsak V.M. Op. cit.
14. Propp V.Y. Skazka. Epos. Pesnya. M., 2001.
15. Ibid.
16. Sokolov Y.M. Op. cit.
17. Ibid.
18. Orekhova E.V. Tipy prostranstvenno-vremennykh otnosheniy v russkoy volshebnoj skazke // Atrium. 1999. № 1.
19. Gatsak V.M. Op. cit.
20. Neklyudov S.Y. Staticheskie i dinamicheskie nachala v prostranstvenno-vremennoy organizatsii povestvovatel'nogo fol'klora // Tipologicheskie issledovaniya po fol'kloru: sb. st. pamyati V.Y. Proppa. M., 1975.
21. Gerasimova N.M. Op. cit.
22. Ibid.